

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ФАКТОРЫ ПРИТЯЖЕНИЯ И ПРИЧИНЫ РАЗОЧАРОВАНИЯ МИГРАНТОВ ИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ

К. Ю. Волошенко
А. В. Лялина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 15.04.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6
© Волошенко К. Ю., Лялина А. В., 2022

Миграционная привлекательность Калининградской области обуславливает позитивную динамику внешней (международной) и внутренней миграции. Ведущая роль принадлежит внутрirosсийской межрегиональной миграции, на долю которой приходится около 60% миграционного прироста населения региона. Однако возрастная структура российских мигрантов, их профессиональный состав и уровень квалификации не в полной мере соответствуют запросам рынка труда и стратегическим направлениям социально-экономического развития региона. Сложившаяся ситуация актуализирует вопросы миграционной политики, адресованной потенциальным мигрантам — жителям других регионов России. Однако представления о причинах, мотивирующих людей переехать в Калининградскую область, о факторах, подталкивающих к такому решению или препятствующих его принятию, до настоящего времени имели общий характер и, как правило, сводились к таким общеизвестным обстоятельствам, как приморское положение региона и соседство со странами ЕС. Цель настоящей статьи — дать детальный анализ причин миграции в регион, оценить значение ограничений и сложностей, возникающих при переезде, и степень удовлетворенности сменой постоянного места жительства. В качестве методической основы исследования была выбрана смешанная стратегия изучения мигрантов Калининградской области, в частности применены формализованные методы сбора данных в сочетании с методикой отбора респондентов, свойственной качественным или экспертным методам. Авторы опираются на результаты поискового социологического исследования, которое было проведено в декабре 2021 года и было направлено на изучение трансформации восприятия российскими мигрантами Калининградской области до и после переезда в регион. В ходе работы использовались смешанные методы исследования; поиск респондентов проводился через социальные сети и тематические группы, объединяющие лиц, переехавших в регион. Анализ полученных данных показал расхождение ожиданий мигрантов и реальности, с которой они столкнулись, а также позволил выявить причины неполного соответствия структуры миграционного потока в область потребностям рынка труда и задачам развития региона. В заключение авторы, опираясь на результаты исследования, дают некоторые рекомендации по разработке мер миграционной политики, основанной на активном формировании актуальных представлений о регионе и направленной на привлечение востребованных трудовых ресурсов, а также адаптацию и поддержку людей на новом месте жительства.

Для цитирования: Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102–128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.

Ключевые слова:

Калининградская область, миграционная привлекательность, межрегиональная миграция, факторы притяжения мигрантов, демографическая структура, восприятие, разочарования

Введение

Калининградская область относится к регионам России с высоким миграционным приростом населения, его среднегодовой уровень составляет более 10‰ (третье место в России в 2020 году и пятое — в 2019-м¹). Несмотря на то что с 2019 года миграционный приток населения в область позволяет полностью компенсировать его естественную убыль [1], возрастная структура, профессиональный состав и уровень квалификации мигрантов не в полной мере соответствуют запросам рынка труда региона, в том числе из-за высокой доли лиц нетрудоспособного возраста. Эта ситуация заставляет задуматься о целенаправленной политике, которая, не будучи дискриминационной в отношении лиц, стремящихся переехать в регион, была бы направлена на создание более сбалансированной возрастной и профессиональной структуры миграционного потока за счет использования инструментов трудового и образовательного законодательства, а также формирования специальных социально-экономических условий для мигрантов из числа представителей наиболее востребованных профессий (врачей, педагогов, специалистов сферы информационных технологий и др.). Авторы, вслед за многими российскими экспертами, придерживаются точки зрения, что проблемы внутрироссийской межрегиональной мобильности населения лежат в сфере региональной политики и политики пространственного развития, а их «решение зависит от инвестиций в создание рабочих мест и от развития жилищной и транспортной инфраструктуры» [2, с. 29]. Однако разработка такой политики невозможна без понимания установок самих мигрантов, изучения факторов миграционной привлекательности и выявления основных причин выбора региона для переезда.

Современные представления о миграционной привлекательности территорий сложились в результате многочисленных исследований факторов миграции населения, которые активно проводились российскими [3—7] и зарубежными [8—16] учеными, начиная со второй половины XX века.

Среди факторов притяжения, характеризующих территории вселения мигрантов, как правило, выделяют социально-экономические, природно-климатические, политические, конфессиональные, культурные, институциональные, включая наличие миграционных сообществ и диаспор, структурные особенности организации пространства (наличие крупнейших городов, транспортных сетей и пр.), и индивидуальные. При этом, как справедливо отмечает Л. Л. Рыбаковский [3], набор факторов определяется сущностью миграции, то есть ее типом. Факторы миграции формируются из объективных условий, окружающих человека, но, что более важно, сами по себе факторы влияют на миграцию не напрямую, а опосредованно, через сознание, психику мигранта, который формулирует на основе анализа факторов миграции свои причины к переезду. Поэтому наиболее ценной представляется оценка причин миграции в определенный регион, осуществляемая посредством социологических методов исследования.

Многие из этих факторов обусловлены особенностями экономико-географического положения регионов [17]. Понятие «миграционная привлекательность»

¹ Коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения, 2022, *Витрина статистических данных*, URL: <https://showdata.gks.ru/report/279008> (дата обращения: 05.04.2022).

широко используется в зарубежной практике пространственного планирования (place-based planning) [18; 19], особенно в отношении удаленных [20—23], руральных, прибрежных или островных территорий [24]. Для регионов, имеющих приграничное положение, близость к сопредельному государству может послужить фактором как притяжения, так и оттока населения. История знает множество таких примеров. Благоприятное соседство стимулирует трансграничные контакты, торговлю, трудовую (временную, маятниковую, миграцию фронтальеров) [25—28] и образовательную миграцию [29], что ведет к стягиванию населения в приграничные населенные пункты [30]. Неоднозначным является и влияние приморского положения [31]: факторы, связанные с экологическими рисками, повышением уровня моря и подтоплением прибрежных территорий [32; 33], заставляют людей покидать прибрежные территории, а связанные с морехозяйственной активностью [34—38], бальнеологической деятельностью и туризмом [39—44], интернационализацией морского образования [45—47], комфортностью жизненной среды и уровнем благоустройства притягивают. Масштабирование миграционных потоков в теплые прибрежные регионы мира сегодня привело к расцвету современной концепции «миграции как образа жизни», под которой М. Бэнсон и К. О'Рейли [43] понимают форму пространственной мобильности состоятельных людей всех возрастов, переезжающих в места, которые по разным причинам означают для них лучшее качество жизни или возможность самореализации. При этом отмечается, что такая миграция может носить как сезонный, так и постоянный характер.

Как показывают последние исследования межрегиональной миграции в России [48—50], основными выталкивающими факторами, вынуждающими людей менять место жительства, являются избыточная по отношению к объему рынка труда численность населения, его половозрастная структура, бедность, низкие доходы и жилищные проблемы. Среди факторов миграционного притяжения доминируют показатели качества жизни: развитая и разнообразная инфраструктура — от транспорта до развлечений, благоприятная экология, возможности найти высокооплачиваемую работу, гарантированный уровень социального сервиса и медицины. Хотя перечисленные факторы в целом соответствуют «пирамиде Маслоу» [50, с. 127], на их структуру заметно влияют возрастные различия. Так, благоприятные климатические условия являются более существенными для лиц старше 50 лет, молодежь в возрасте 17—19 лет на первый план выдвигает образовательные цели и после завершения обучения нередко возвращается в «домашний» регион, а молодые люди в возрасте 25—39 лет руководствуются трудовыми мотивами и фактором доступности жилья [48].

Несмотря на большой массив накопленной информации, по-прежнему мало изученными остаются вопросы, связанные с причинами и ожиданиями мигрантов при переезде, которые впоследствии определяют настроения людей, их субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью. Феномен трансформации представлений людей при столкновении ожиданий с реальностью исследовался преимущественно в контексте иммиграции и учитывался в теориях адаптации и интеграции мигрантов. Однако эти вопросы не менее актуальны и для внутренних мигрантов. Конечно, переживаемый ими стресс является менее острым, но и им приходится расставаться со многими привычками, менять не только место жительства, но и образ жизни, круг знакомых и друзей. Столкновение с реальностью и неоправдавшиеся ожидания способны привести к депрессии, протестным порывам, агрессивному и девиантному поведению [51; 52], но не только. Человеку свойственно перекладывать ответственность за неудачные попытки изменить собственную жизнь на внешние обстоятельства, что превращает факторы, некогда притягивавшие мигрантов, в факторы выталкивания. Регион становится «перевалочным пунктом», теряет

свою репутацию и столь необходимые профессиональные кадры. Именно поэтому стоит задуматься о социальных лифтах и практиках, облегчающих включение вчерашних мигрантов в новое сообщество. Эта тема чрезвычайно актуальна в случае как международной, так и межрегиональной миграции.

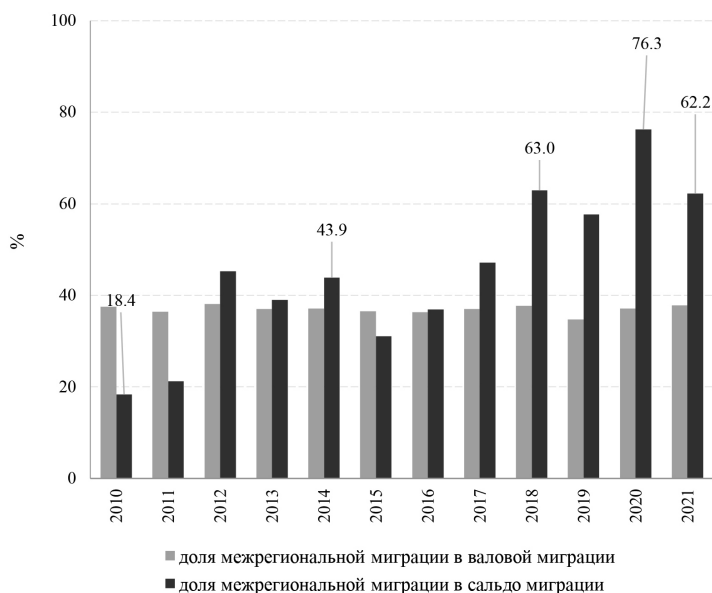
Специальных исследований, посвященных изучению миграционной привлекательности Калининградской области для жителей других регионов России, ранее не проводилось. Как правило, авторы ограничивались констатацией таких особенностей региона, как экономико-географическое, приграничное и приморское положение [53; 54]. Однако резкое изменение геополитической обстановки после вхождения Крыма в состав России и актуализация дискурса безопасности, введение антироссийских санкций, повлиявших на повседневную жизнь людей и экономику региона, а также ограничения на свободу перемещений в период пандемии COVID-19, которые «заперли» жителей региона в его границах, заставили задуматься о более детальном подходе к анализу причин переезда в Калининградскую область, тем более что тренд миграционного пополнения населения региона за счет внутрироссийской миграции, несмотря на все проблемы, сохранялся на высоком уровне и в 2019—2021 годах. Поэтому в настоящей работе была поставлена цель — оценить, в какой мере восприятие Калининградской области как привлекательной территории вселения соответствует ее образу как региона с выгодным географическим положением, мягким климатом и наличием морского побережья, и ответить на следующие вопросы: Какие причины обусловили выбор Калининградской области? Насколько оно было спонтанным? Какие трудности возникали при переезде в регион? Оправдались ли ожидания мигрантов и каково их актуальное восприятие региона?

Миграционная ситуация в регионе

За последние десять лет значительно усилилось влияние внутрироссийской межрегиональной миграции на демографическую ситуацию в Калининградской области. Этот тренд наметился еще в начале 2010-х годов и активно развивался все последующее десятилетие. В 2021 году доля межрегиональной миграции в суммарном сальдо миграции выросла втрое, достигнув 62,2%, хотя в валовых показателях миграции она изменилась незначительно: 36,5% в 2011 году и 38% в 2021-м (рис. 1). Если в 2010—2011 годах в регионе оставалось менее 6% от всех прибывших и выбывших россиян, то в 2020—2021 годах — уже более четверти. Конечно, такие структурные сдвиги объясняются не только возросшей миграционной привлекательностью области, но и внешними обстоятельствами, затруднившими миграционный обмен населения со странами СНГ: изменениями в миграционном законодательстве, введением карантинных ограничений на пересечение государственных границ. Однако это не отменяет того факта, что показатели интенсивности валовой и чистой миграции из регионов РФ в Калининградскую область демонстрируют опережающий рост по сравнению с показателями международной миграции. Выросло и число российских регионов — миграционных доноров: сегодня Калининградская область имеет положительное сальдо миграции практически со всеми субъектами РФ, за исключением двух столичных регионов и г. Севастополя. Наиболее интенсивный переток населения наблюдается из Сибирского (Кемеровская, Омская и Новосибирская области, Красноярский и Алтайский края) и Дальневосточного федеральных округов (Камчатский и Хабаровский края). В 2011—2020 годах они обеспечили почти две трети суммарного миграционного прироста жителей области. Донорами выступают и северные регионы Европейской части России — Архангельская и Мурманская области, Республика Коми.

а

б

Рис. 1. Интенсивность валовой и сальдо межрегиональной миграции в Калининградской области, в среднем за 2011—2020 годы: а — интенсивность межрегиональной миграции; б — доля межрегиональной миграции в структуре миграции региона

Источник: Число прибывших, 2022, ЕМИСС, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 12.11.2021); Число выбывших, 2022, ЕМИСС, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 12.11.2021).

Как показали А. Роджерс и Л. Кастро, миграционные процессы, так же как рождаемость и смертность, подчиняются возрастным закономерностям [55]. Возрастной профиль российских мигрантов в Калининградскую область подтверждает это правило: 52 % мигрантов, прибывших из других субъектов РФ в 2011–2020 годах, относилось к категории молодежи в возрасте 15–39 лет (рис. 2). Как следствие, медианный возраст межрегиональных мигрантов в Калининградской области (30–31 год в 2020 году) ниже, чем международных (34 года). Аналогичная картина наблюдается и в случае мигрантов, выбывающих из Калининградской области в другие регионы РФ: на долю лиц в возрасте 15–39 лет приходится 57 % оттока населения. Эти данные соответствуют общероссийской ситуации [49; 56]. Среди основных причин миграции лиц в молодом возрасте фигурируют поступление в калининградские вузы и прочие учебные заведения, а также трудовая деятельность.

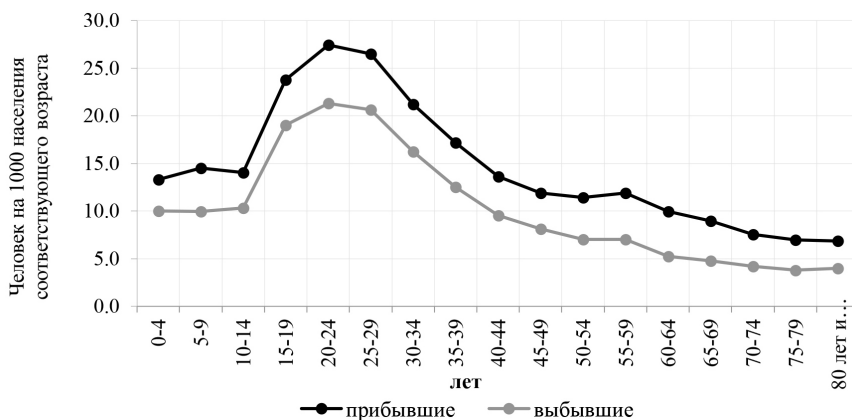

Рис. 2. Возрастной профиль межрегиональной миграции населения Калининградской области, в среднем за 2011–2020 годы

Источник: Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 17.11.2021); Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022, *ЕМИСС*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 17.11.2021); *Численность и миграция населения в Калининградской области: статистический сборник, 2011–2018*, Калининград, Калининградстат.

Второй, менее заметный подъем миграционной активности приходится на пенсионные и предпенсионные возраста (55–59 лет). Наиболее вероятными причинами миграции представителей этих возрастных категорий являются переезд по семейным обстоятельствам (смена места жительства вместе с детьми или воссоединение с родственниками, ранее прибывшими в регион) либо желание сменить регион с суровым климатом на регион с более комфортными природными условиями после завершения трудовой деятельности.

Методы и материалы

Изучение трансформации восприятия российскими мигрантами Калининградской области до и после их переезда в регион, сравнение их ожиданий и разочарований представляет определенные трудности. Во-первых, известной проблемой является расхождение регистрационных данных ГУВМ МВД России о межрегиональных мигрантах со сведениями, публикуемыми Росстатом [57; 58]. Кроме того, в отношении граждан России не применяются требования обязательной регистрации по месту пребывания в пределах РФ, если этот срок составляет менее 90 дней

или же если они посещают место своей постоянной регистрации хотя бы один раз в три месяца². Поэтому значительную долю межрегиональных мигрантов могут составлять граждане РФ, которые после кратковременного пребывания в регионе покидали его либо, напротив, оставались на более длительное время, не оформляя регистрации, или же она им не требовалась в связи с периодическими поездками домой. Подобные «сценарии» нередки, и на них справедливо указывает Н. В. Мкртчян [58]. Другими словами, из общего числа внутрироссийских мигрантов сложно выделить интересующую нас категорию лиц, выбирающих Калининградскую область в качестве потенциального места проживания.

Во-вторых, российские межрегиональные мигранты, в отличие от мигрантов международных, не формируют «свои» закрытые группы за исключением выходцев из республик РФ, опирающихся на этнокультурные и религиозные объединения. Хотя круг общения российских мигрантов также зачастую ограничивается родственными и земляческими связями, им не свойственно компактное расселение и нишевая трудовая деятельность, они достаточно равномерно распределяются по территории области и сферам занятости. Тем не менее люди довольно неохотно идут на контакт. Так, обращение авторов статьи к неформальным группам с просьбой принять участие в исследовании натолкнулось на недоверие людей, низкую заинтересованность в общении и оказалось безуспешным.

Названные причины обусловили методические особенности проведения исследования. В качестве методической основы была выбрана смешанная стратегия изучения мигрантов Калининградской области, включающая применение формализованных методов сбора данных в сочетании с методикой отбора респондентов. Выбор был сделан в пользу интернет-опроса с использованием методики отбора респондентов, свойственной качественным или экспертным методам. Задача репрезентативности выборки не ставилась. Результаты исследования могут распространяться только на выборочную совокупность и использоваться как справочные. В качестве интересующей нас целевой группы были выбраны мигранты, переехавшие в Калининградскую область на постоянное место жительства из других регионов России преимущественно после 2000 года. Выборка формировалась с применением метода «снежного кома» [59]. Контролировались следующие социально-демографические признаки: 1) соответствие возрастной структуры респондентов наиболее массовой возрастной группе мигрантов; 2) разнообразие сфер занятости — торговля, сфера обслуживания, образование, медицина, ИКТ, малый бизнес и др.; 3) полнота географического охвата регионов-доноров. Рекрутирование проводилось через распространение информации о проведении опроса в региональных тематических сообществах в социальной сети «ВКонтакте», переход от респондента к респонденту производился по линиям связей и отношений в кругах общения.

Анкета опроса разрабатывалась с учетом теоретических представлений о факторах миграционной привлекательности и включала в себя 38 вопросов, объединенных в пять тематических блоков. Использовались разные виды вопросов: шкальные, альтернативные и неальтернативные или «вопросы-меню». Первый блок вопросов анкеты был ориентирован на получение общих сведений о годе переезда и населенном пункте прибытия, степени продуманности / спонтанности принятого решения и первоначальных планах о переезде, составе семьи. Если респонденты ранее посещали регион, то выяснялись цели и частота таких поездок, наличие родственников и знакомых в Калининградской области, личных «исторических» корней и неформальных связей с регионом. Второй блок вопросов был посвящен факторам притяжения в регион и оценке их значимости в диапазоне от

² О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации, 1003, Закон РФ от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 01.07.2021), доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1 (не оказал влияния) до 5 (оказал сильное влияние). Факторы подразделялись на следующие группы: 1) индивидуальные экономические; 2) индивидуальные социальные; 3) факторы экономико-географического положения и истории Калининградской области; 4) административные; 5) общие факторы социально-экономического положения региона (табл. 1). Третий блок вопросов касался сравнения Калининградской области с другими регионами России или странами при принятии решения о переезде, четвертый — ограничений и сложностей, возникших при переезде, он был посвящен сбору данных о восприятии Калининградской области и разочарованиях, постигших респондентов после переезда. Пятый блок предназначался лицам, покинувшим регион, и касался выталкивающих факторов, оценки их значимости, потребности в сохранении связи с регионом и возможных планов по возвращению.

Таблица 1

Факторы притяжения мигрантов в Калининградскую область

Группа факторов	Факторы
I. Индивидуальные экономические (ИЭФ)	ИЭФ.1 — возможности карьерного роста ИЭФ.2 — более высокий размер оплаты труда ИЭФ.3 — возможности предпринимательства ИЭФ.4 — перевод по работе
II. Индивидуальные социальные (ИСФ)	ИСФ.1 — возможности обучения детей ИСФ.2 — возможности самообразования ИСФ.3 — воссоединение с родственниками ИСФ.4 — близость к друзьям ИСФ.5 — земляческие связи
III. Факторы экономико-географического положения и истории региона (ЭГП)	ЭГП.1 — наличие моря ЭГП.2 — природно-климатические условия ЭГП.3 — благоприятная экологическая обстановка ЭГП.4 — близость к Европе ЭГП.5 — историко-культурное наследие ЭГП.6 — образ красивого и зеленого города ЭГП.7 — компактность области и транспортная связанность между населенными пунктами
IV. Административные (АДФ)	АДФ.1 — активная политика местных властей АДФ.2 — федеральный вуз (БФУ им. И. Канта) АДФ.3 — льготы для бизнеса (ОЭЗ, офшор и т.д.) АДФ.4 — федеральные меры поддержки («Земский доктор», «Земский фельдшер» и др.) АДФ.5 — военно-морская инфраструктура
V. Общие факторы социально-экономического положения (СЭП)	СЭП.1 — низкий уровень безработицы СЭП.2 — высокий уровень оплаты труда СЭП.3 — доступность жилья (покупка или аренда) СЭП.4 — высокая продолжительность жизни СЭП.5 — низкий уровень заболеваемости СЭП.6 — высокая доля малого и среднего бизнеса СЭП.7 — низкий уровень преступности СЭП.8 — низкий уровень бедности СЭП.9 — высокая обеспеченность врачами СЭП.10 — транспортная инфраструктура СЭП.11 — обеспеченность дошкольными и школьными учреждениями СЭП.12 — наличие крупных, в том числе отраслевых вузов СЭП.13 — активная внешнеэкономическая деятельность СЭП.14 — высокий инновационный потенциал

Завершал анкету блок вопросов, касающихся сведений о респонденте, таких как пол, возраст, уровень образования, место проживания, финансовое благополучие семьи, социальное положение, сфера занятости, соответствие текущей работы имеющейся квалификации. Было принято допущение о возможности заполнения анкеты одним представителем домохозяйства от лица всех его членов. Анкета была сформирована с использованием Google-форм (<https://forms.google.com>), анкетирование респондентов проводилось посредством онлайн-опроса.

Первичная обработка результатов социологического исследования осуществлялась средствами программы SPSS, а вторичная — с использованием системного, логико-структурного, а также общих методов и приемов научных исследований (анализ, синтез, аналогия, сравнение и др.). На основе оценки значимости и актуальности факторов притяжения Калининградской области опрошенными мигрантами были выявлены группы причин миграции в Калининградскую область.

В исследовании приняли участие 60 человек. Подавляющее большинство респондентов соответствовало характеристикам «целевой» группы мигрантов, людей активного трудоспособного возраста (25—44 года), имеющих высшее, неполное высшее или два и более высших образования. Среди них преобладали служащие, специалисты и квалифицированные рабочие. Доля предпринимателей и самозанятых, включая фрилансеров, оказалась незначительной. Пенсионеры составили около 10 %, а условно «безработные» немногим более 5 %. Представительность группы «безработных» среди мигрантов, как правило, активных и предприимчивых людей, объясняется нежеланием указывать сферу занятости, возможно, по причине теневого или полутеневого характера доходов, и выбором из меню ответов пункта «не работаю». Более половины опрошенных оценили свое материальное положение как «среднее», 20 % — как «хорошее» и «очень хорошее» и столько же — как «плохое» и «очень плохое». Подавляющая часть респондентов (80 %) проживала в Калининграде, также указывались Гурьевский, Зеленоградский и Багратионовский городские округа. Наименьшая — в Гусевском, Краснознаменском и Черняховском городских округах. Населенные пункты восточной части Калининградской области оказались менее привлекательными. Половина опрошенных переехала в регион в последние два года (2020—2021), еще четверть — в период с 2014 по 2019 год. Доля респондентов, переехавших в область до 2000 года, оказалась незначительной.

Анализ и интерпретация результатов социологического исследования

Проведенный анализ показал, что опрошенные респонденты в своем большинстве переехали в Калининградскую область в составе семьи, вместе с родителями или прочими родственниками и сразу ориентировались на постоянное длительное проживание. Зачастую отмечалась и заинтересованность в переезде в регион остальных родных, друзей и знакомых. Почти три четверти опрошенных принимали решение о переезде осознанно, они ранее, хотя бы один раз, посещали область с туристическими целями или приезжали погостить. Большинство из них не имело никакой «биографической» привязки к региону.

При выборе территории вселения две трети респондентов сравнивали Калининградскую область с другими субъектами РФ. Список альтернатив был довольно велик, в нем фигурировали столичные регионы — Санкт-Петербург, Ленинградская область, Москва и Московская область; условно «богатые» нефтяные регионы с достаточно высоким уровнем жизни населения — Республика Татарстан и Тюменская область, Юг России — Краснодарский край, Крым, Ростовская область, Ставропольский край, а также наиболее населенные и экономически развитые районы

Хабаровского и Приморского края. Международные сравнения проводились респондентами в два раза реже. Чаще всего переезду в Калининградскую область противопоставлялась возможность эмиграции в Германию, Польшу, Чехию или Литву.

Причины миграции в Калининградскую область

Особое внимание в исследовании уделялось причинам выбора мигрантами Калининградской области. Указанные респондентами приоритетные факторы притяжения из предложенного списка (табл. 1) были сгруппированы и на этой основе выделены причины переезда в Калининградскую область (рис. 3). Эти причины увязывались с причинами разочарований и возникшими ассоциациями от проживания в регионе.

Рис. 3. Группы причин миграции в Калининградскую область по степени актуальности для мигрантов

Ниже приводится описание наиболее важных причин миграции в Калининградскую область, которые рассматриваются в порядке убывания их актуальности для мигрантов при принятии решения о переезде.

Экология и климат выступали наиболее частыми причинами выбора Калининградской области. При этом сравнение региона при принятии решения о переезде проводилось с Краснодарским краем, Белгородской областью, Москвой, Хабаровским краем, Республикой Татарстан, Тюменской областью. Эти регионы значительно различаются по климатическим условиям и экологической ситуации. Существенные различия в ответах респондентов по причинам разочарований и ассоциациям проживания в регионе отсутствовали, что говорит о несформированности четких представлений о территории потенциального вселения.

Историко-культурная и географическая уникальность. Подавляющее число респондентов отметили причины данной группы. Мигранты обращали внимание на компактность области, близость к Европе, историко-культурное наследие. Отчасти это объясняется посещением области с туристическими или деловыми целями до переезда. Среди респондентов, не учитывающих историко-культурную и географическую уникальность, посещали регион меньше половины.

Комфортные условия проживания имели заметное влияние на решение о переезде. Наличие моря и компактность региона при доступности жилья были актуальны для лиц преимущественно в возрасте 35—44 лет. Однако при переезде также возникли одинаковые разочарования респондентов, причины которых, на наш взгляд, связаны с укоренившимися стереотипами восприятия Калининградской области. Это создает двойственную ситуацию. С одной стороны, прибывшие в регион испытывают сложности адаптации и самореализации, с другой — часть мигрантов не рассматривают Калининградскую область как территорию потенциального вселения и направляются в другие регионы.

Уровень социально-экономического развития региона в наименьшей степени учитывался мигрантами при переезде, среди них имелось достаточно фрагментарное представление о хозяйственной специфике региона. Это подтверждается причинами разочарований от переезда, которые связаны с особенностями рынка труда, ценами и тарифами, инфраструктурой. Отчасти это объясняется обращением мигрантов к широко распространенным, но не актуальным фактам и сведениям о регионе через открытые источники информации, которые в большинстве характеризуют его как туристическую область, а не территорию вселения. Также это подтверждается переездом подавляющей части мигрантов (больше, чем в среднем по выборке) в период пандемии COVID-19 (2020—2021), который характеризовался для региона снижением отдельных показателей социально-экономического развития относительно ситуации в целом по стране и субъектам СЗФО [60]. *Уровень жизни* в регионе также не оказался в числе наиболее важных причин миграции в Калининградскую область. Можно отметить, по ответам респондентов, и социально-психологическую неготовность мигрантов к переезду.

Профессиональный рост и развитие практически не рассматривались респондентами в качестве причин переезда, однако большинство из них планировало переехать в регион на постоянное длительное проживание. Кроме этого, для половины опрошенных решение о переезде было осознанным. Вследствие не учитываемой мигрантами ситуации на рынке труда (профессионально-квалификационная структура кадровой потребности, уровень безработицы, среднедушевые доходы и т. д.) большинство респондентов отметило, что текущая работа полностью не соответствует их квалификации и опыту. Несмотря на значительные трудности с поиском работы, респонденты высоко оценивают свое финансовое по-

ложение. При этом наиболее представительны (относительно выборки) в данной группе респондентов оказались работники торговли и сферы услуг, а также государственного управления.

Развитие существующего или создание нового бизнеса. Несмотря на то что эта группа причин характеризует только возможности предпринимательства, они актуальны для трети респондентов. Преимущественно это лица, которые в данный момент не имеют работы или заняты в сфере образования. Их возраст составляет преимущественно от 25 до 44 лет. Строгой связи с социальным положением не выявлено. Эта часть респондентов включает служащих, технических исполнителей, специалистов и руководителей подразделений, а также домохозяек. При этом практически все эти респонденты оценивают свое финансовое положение как среднее и больше половины из них переехали в Калининградскую область только в 2021 году. Это дает основание предположить, что у выявленной части респондентов еще сохраняется высокая мотивация для осуществления предпринимательской деятельности и реализации намеченных проектов.

Неформальные связи и консолидированные группы. Возможности воссоединения с родственниками и земляческие связи в целом оказывали значительное влияние на принятие решения небольшого числа респондентов. Однако их пребывание в регионе преимущественно связано с позитивными событиями и ассоциациями. За счет поддержки родственников или земляческих связей разочарование респондентов было незначительным из числа ответов по выборке. В то же время среди них более половины отметили, что столкнулись с рядом ограничений при переезде, важнейшими из которых стали трудоустройство и поиск жилья, отсутствие родных и близких. Обращает внимание, что данная группа респондентов чаще других характеризовала свое материальное положение как «плохое» или «очень плохое» (почти треть) и в 1,5 раза реже как «хорошее» или «очень хорошее». Это ставит важную проблему о степени положительного влияния неформальных связей на социально-экономическую адаптацию мигрантов при переезде, в частности в Калининградскую область.

Такие причины переезда, как социально-психологический комфорт проживания и геостратегическая привлекательность региона, выбирались респондентами крайне редко. Таким образом, из 10 групп причин миграции только 3 оказались актуальны для респондентов при выборе Калининградской области — историко-культурная и географическая уникальность, экология и климат, комфортные условия проживания.

В целом результаты проведенного социологического исследования не подтвердили наше предположение о присутствии причин миграции в Калининградскую область, отличных от тех, которые традиционно определяют для региона (благоприятный климат и экология, море, близость Европы и т. д.). С одной стороны, сложившаяся ситуация создает риски для самих мигрантов, когда они не располагают достаточной и полной информацией о ситуации и особенностях развития региона. Это разочарования, трудности адаптации и самореализации, в некоторых случаях и вынужденный отъезд. С другой стороны, возникают сложности и для самого региона, учитывая дополнительную социальную и трудовую нагрузку в результате притока кадров, имеющих низкую востребованность на рынке труда региона. В то же время полученные результаты объясняют причины повышенного интереса к Калининградской области, когда ее рассматривают как потенциальное место переезда наравне с такими субъектами РФ, как Москва, Санкт-Петербург, Краснодарский край и др.

С опорой на результаты исследования анализ причин миграции в регион был дополнен оценкой разочарований и ассоциаций мигрантов. Это позволило соотне-

сти ожидания и реальные условия пребывания в регионе, в результате были выявлены значительные расхождения, обусловленные, вероятно, ограниченными представлениями мигрантов о Калининградской области. Анализ ассоциаций позволил установить формирование новых представлений о регионе после переезда в Калининградскую область. Выявленные ограничения в миграции позволяют определить проблемы, на которые должна быть направлена первичная адаптация мигрантов в регионе. Трансформация представлений мигрантов о регионе после переезда позволила установить причины неполного соответствия их трудового потенциала задачам развития региона. С научной точки зрения это актуализирует разработку направлений и мер выделения наиболее востребованной в области части миграционного потока в интересах обеспечения сбалансированности регионального рынка труда с участием мигрантов.

Обсуждение и рекомендации

Разочарования от переезда в регион высказали в среднем три четверти опрошенных. Они касались прежде всего цен и тарифов в регионе, связаны с местными жителями и их образом жизни, отсутствием подходящей работы, качеством социальной инфраструктуры. Причем наиболее часто разочарования отмечались мигрантами (девять из десяти человек), выбравшими регион исходя из его благоприятных экологических и климатических условий, комфорта проживания и богатого историко-культурного наследия, географической уникальности.

Анализируя разочарования, возникшие в результате переезда в регион, мы установили их соответствие причинам миграции. Причины миграции разделены на три группы в зависимости от их важности для респондентов и влияния на принятие решения о переезде: высокая (более 70 ответов), средняя (30—69 ответов), низкая (менее 29 ответов) (рис. 4—6). Размер круга соответствует частоте выбора причины среди респондентов: чем больше диаметр круга, тем чаще причина называлась респондентами.

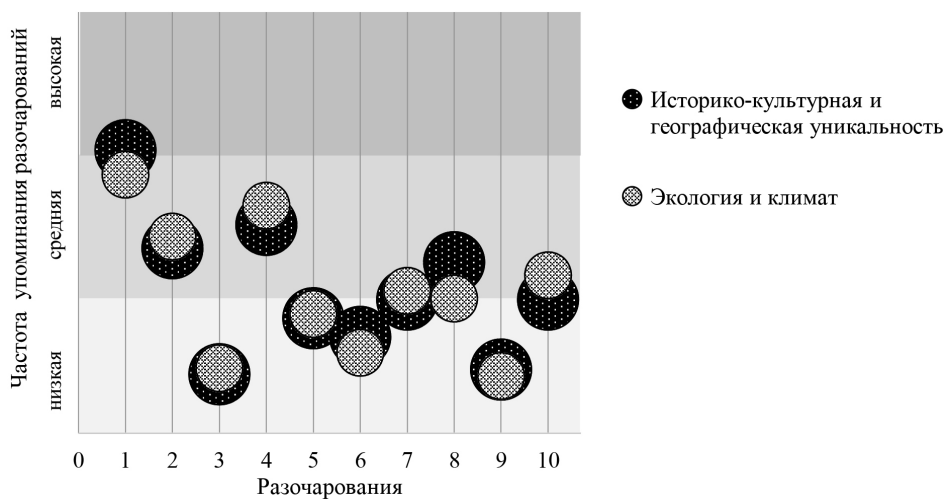

Рис. 4. Причины миграции, имеющие высокую важность и влияние на принятие решения о переезде

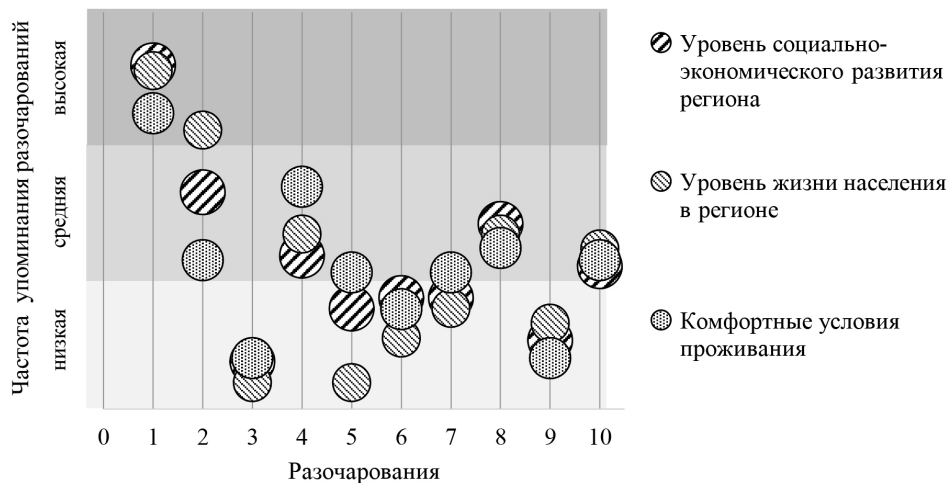

Рис. 5. Причины миграции, имеющие среднюю важность и влияние на принятие решения о переезде

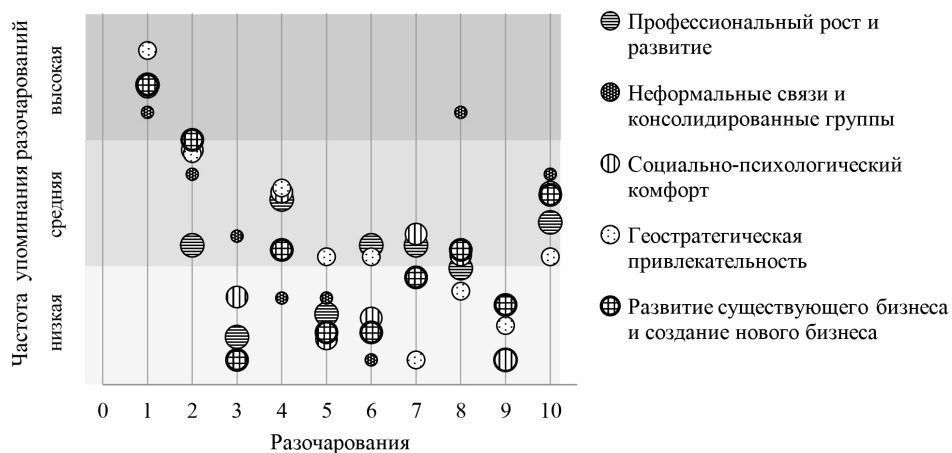

Рис. 6. Причины миграции, имеющие низкую важность и влияние на принятие решения о переезде

Примечание: 1 — цены и тарифы; 2 — отсутствие подходящей работы; 3 — погода и климатические условия; 4 — качество социальной инфраструктуры; 5 — транспорт (качество дорог и общественного транспорта, пробки на дорогах и др.); 6 — доступность и качество персональных и социальных услуг; 7 — отсутствие привычной продукции (виды, марки или бренды); 8 — местные жители, в том числе их образ жизни; 9 — ведение бизнеса; 10 — «оторванность» от основной территории России.

На этой основе выделены причины разочарований респондентов и обоснованы проблемы неэффективной адаптации мигрантов. Это позволило предложить меры, способствующие не только быстрому и комфортному приспособлению к новым условиям жизни, но и привлечению мигрантов, наиболее востребованных в Калининградской области.

Разочарование в ценах и тарифах возникло у респондентов, которые выбрали регион по причине поиска возможностей развития нового или существующего бизнеса или для которых были важны профессиональный рост и социально-эконо-

мическая ситуация в Калининградской области. Однако причины такого разочарования связаны именно с низкой осведомленностью мигрантов о регионе. В частности, треть разочаровавшихся мигрантов не посещала его ранее и / или принимала решение о переезде спонтанно.

Отсутствие подходящей работы в регионе стало вторым наиболее часто упоминаемым разочарованием респондентов. Причинами переезда здесь чаще всего выступали уровень социально-экономического развития и жизни населения в Калининградской области, ее геостратегическая привлекательность, возможности для развития бизнеса, а также наличие неформальных связей и поддержки консолидированных групп. При этом две трети таких респондентов ассоциировали проживание в регионе с упущенными возможностями, ухудшением финансового положения и нисходящей трудовой мобильностью. Низкий уровень адаптированности на рынке труда может быть обусловлен в части случаев тем, что более 40 % респондентов, указавших данное разочарование, не посещали Калининградскую область ранее.

Разочарование качеством социальной инфраструктуры (детскими садами, школами, больницами и др.) отмечали респонденты, для которых переезд был продиктован в первую очередь историко-культурной и географической уникальностью региона, благоприятными природно-климатическими и комфортными условиями проживания, перспективами профессионального роста и развития. Очевидно, что эта группа респондентов, стремящихся к лучшим условиям проживания, имела высокие требования к качеству социальной инфраструктуры, так как ее состояние в прежнем месте проживания могло значительно выигрывать против территории вселения. С другой стороны, это также может быть следствием недооценки важности социальных условий проживания или спонтанности решения о миграции: для четверти респондентов решение о переезде оказалось скорее спонтанным, чем осознанным.

Несколько удивительным выглядит разочарование от взаимодействия с местным сообществом, высказанное мигрантами, для которых выбор региона был обусловлен воссоединением с родственниками или земляческими связями. При этом более половины ответов респондентов, выбравших данное разочарование, пришлось на негативные ассоциации от проживания в регионе, связанные с карьерой и финансовым положением. Возможно, здесь имеют место проблемы относительной «закрытости» локальных групп мигрантов по признакам этнической, религиозной или профессиональной принадлежности, что требует дальнейшего изучения.

Достаточно часто респондентами указывалось и разочарование, обусловленное «оторванностью» региона от основной территории страны. Отношение респондентов к «оторванности» региона представляет глубочайший интерес, поскольку определяет геостратегическую значимость укрепления связанности области с другими регионами России. Несмотря на то что доля тех, кто бывал в регионе ранее, не отличается от средней по выборке (около двух третей), посещение региона зачастую было связано с туристическими целями, что не предполагает длительного проживания, а решение о переезде принималось спонтанно (в трети случаев). Примечательно, что более половины респондентов, разочарованных «оторванностью» региона от основной территории России, ассоциировали свое проживание в регионе с негативными изменениями в карьере и финансовом положении.

Помимо разочарований возникали ограничения и трудности при переезде в Калининградскую область. Смена места жительства респондентами ожидаемо была связана с утратой личных контактов с родными, друзьями и знакомыми и привычного образа жизни, транспортировкой личных вещей. Однако среди прочих важных ограничений с точки зрения мигрантов выступили трудоустройство в регионе, поиск места проживания и ограничения, обусловленные противодействием распространению пандемии COVID-19.

Интересным представляется распределение ответов респондентов на вопрос об ассоциациях проживания в регионе. В то время как треть ответов пришлось на позитивные изменения в личной жизни, здоровье и личностном развитии, другая треть была связана с негативными изменениями, среди которых отмечались упущенные возможности и время, ухудшение финансового положения, нисходящая трудовая мобильность. Рост уровня доходов и карьерный рост упоминались респондентами гораздо реже. Возникновение негативных ассоциаций, как можно заметить, в большей мере объясняется причинами разочарований в результате переезда в регион.

Выявленные разочарования мигрантов от переезда в Калининградскую область, выраженные в негативных ассоциациях от проживания в регионе, свидетельствуют о проблемах адаптации мигрантов из других регионов страны как в психолого-социальном плане (разочарование от взаимодействия с местными жителями, в качестве социальной инфраструктуры), так и экономическом (адаптация на региональном рынке труда). В качестве основных проблем выступают следующие. Во-первых, отсутствие полных и достоверных информационно-справочных материалов и ресурсов о проживании в Калининградской области, ориентированных на лиц, потенциально готовых или желающих переехать в регионе. Во-вторых, недостаточно активное использование механизмов в части привлечения мигрантов и их поддержки в регионе, в том числе по отдельным целевым группам. В-третьих, слабое взаимодействие с мигрантами в направлении наиболее полного задействования их трудового потенциала и недопущения роста безработицы и нисходящей трудовой мобильности. В-четвертых, отсутствие использования предпринимательского потенциала мигрантов, который по разным оценкам при определенных условиях оказывается выше в сравнении с потенциалом местных жителей. В-пятых, проблемы учета мигрантов из регионов России, отсутствие баз данных, позволяющих получать информацию об их социальном положении, профессионально-квалификационных характеристиках и др. Все указанные причины ведут к росту напряженности на рынке труда, а приток мигрантов на уровне региона позволяет решать ограниченный круг вопросов. Из наиболее очевидных и заметных — улучшение социально-демографической обстановки за счет компенсации естественной убыли населения. Это актуализирует несколько задач.

Во-первых, содействие адаптации мигрантов как в целом к новым условиям проживания, так и в части их вхождения на региональный рынок труда. Во-вторых, выявление мер поддержки трудовой миграции через изучение факторов профессиональной мобильности для профессионально-квалифицированной части миграционного потока, наиболее востребованной в регионе. В-третьих, усиление связанности Калининградской области с остальной территорией страны для решения проблемы «оторванности», в том числе в целях повышения уровня психолого-социальной адаптации мигрантов. Каждая из обозначенных задач требует дальнейшего самостоятельного изучения, глубокого теоретического осмысления и разработки практических механизмов, что невозможно сделать только в рамках настоящего исследования. Безусловно, специальная миграционная политика в отношении лиц, переезжающих из других регионов России, будет содействовать сбалансированности трудового потенциала мигрантов и снизит степень несоответствия миграционной ситуации приоритетным направлениям и задачам развития Калининградской области.

Теоретическая составляющая полученных результатов позволяет дополнить выводы предыдущих исследований о высокой обусловленности причин миграции экономико-географическим положением региона вселения мигрантов. На примере эксклавной Калининградской области доказано, что комфортные природно-климатические условия и благоприятная экологическая обстановка мотивировали переехать в Калининградскую область не только лиц старших возрастов, но и представителей других возрастных групп, что дополняет ранее полученные выводы для

России. Мигрантами, переехавшими в Калининградскую область из других регионов России, двигает вера в то, что смена места жительства приведет к лучшему или более полноценному образу жизни, а не оценка, где они могут найти лучшие экономические возможности. Решение о переезде, как правило, принимается на основе информации о туристической привлекательности региона. Данные выводы лежат в русле зарубежной концепции «миграции как образа жизни» (с англ. *lifestyle migration*), построенной, однако, на изучении международной миграции. Настоящее же исследование доказывает распространение современных форм миграции, описанных в концепции «миграции как образа жизни», на внутреннюю мобильность граждан, в частности в Калининградской области. Предполагаем, что опыт российского эксклава может быть применим для изучения причин миграции в регионах Юга России, миграционная привлекательность которых также в значительной степени опирается на благоприятные природно-климатические условия.

Полученные выводы о разочарованиях и негативных ассоциациях мигрантов, движимых стремлением улучшить качество жизни, в значительной степени дополняют современные представления о том, почему таким мигрантам не удается построить «свой идеальный дом». При этом исследование доказывает, что трудности могут возникать и в случае внутренней миграции, где, казалось бы, отсутствуют присущие международной миграции барьеры адаптации мигрантов (языковые и институциональные, этнические и конфессиональные и др.).

Воздействие экономико-географического положения на межрегиональную миграцию не ограничивается влиянием на причины миграции. Оно проявляется также в высказанных мигрантами разочарованиях. Полученные результаты демонстрируют, что «оторванность» Калининградской области от основной территории России обуславливает дополнительные риски для психолого-социальной адаптации мигрантов, связанные, например, с дополнительными издержками на визиты к родственникам в других регионах России. Это служит еще одним важным основанием для развития концептуальных основ теории пространственной связанности регионов и ее практической реализации.

В практическом плане устранение причин, вызывающих разочарование мигрантов и их негативные ассоциации, связано с формированием актуальных представлений о регионе, основных аспектах проживания в нем и с минимизацией рисков последующей неэффективной адаптации. Поэтому в качестве наиболее важных мер представляются следующие.

Во-первых, целесообразно осуществлять селекцию входящего миграционного потока, что предполагает выделение и включение в него востребованных в регионе специалистов определенного профессионально-квалификационного состава и создание условий для повышения эффективности интеграции на рынке труда лиц, которые потенциально могут испытывать трудности или разочарования по причине низкой осведомленности о регионе, возможностях трудоустройства или проживания. Для целевых групп мигрантов (врачи, педагоги, ИКТ-специалисты и др.) селективные меры позволяют более эффективно реализовывать программы релокации и привлечения кадров в регион. Целевые механизмы привлечения специалистов в регион (в рамках федеральных и региональных программ релокации) должны исходить из уровня миграционной связанности Калининградской области с другими регионами РФ, специфики факторов притяжения для отдельных специалистов и когорт мигрантов. Важно задействовать имеющийся потенциал федерального и отраслевых вузов в регионе, которые могут содействовать целевому перетоку абитуриентов и молодых специалистов в Калининградскую область из других вузов и регионов России. Однако это движение должно сопровождаться адекватными мерами поддержки закрепления выпускников вуза на региональном рынке труда.

Селекция миграционного потока напрямую относится к позиционированию региона и росту информированности мигрантов и не предполагает какого-либо внешнего или административного управления их поведением, тем более нарушения конституционных прав граждан на свободу перемещения. Поэтому, во-вторых, имеющийся опыт и практику продвижения Калининградской области как туристско-рекреационного центра в России необходимо применить и в отношении межрегиональной постоянной миграции. Большое значение имеет доступность информации о Калининградской области для целевой аудитории (возраст, профессионально-квалификационный состав, сферы занятости и т. д.).

В-третьих, предлагается разработать и внедрить механизмы адаптации мигрантов из других регионов России, включающие как минимум информационное сопровождение посредством создания специальных информационных ресурсов и платформ, раскрывающих такие проблемные вопросы, как трудоустройство, аренда и покупка недвижимости, доступ к образовательным и медицинским услугам. Отдельным блоком должна выступать информационно-аналитическая поддержка по вопросам ведения предпринимательской деятельности. Целесообразно расширить возможности анализа данных выборочных обследований населения России по проблемам занятости, проводимых Росстатом, в части оценки особенностей осуществления экономической деятельности межрегиональными постоянными мигрантами (уровень безработицы, отраслевая и профессионально-квалификационная структуры занятости и др.), а не только временными трудовыми мигрантами.

Адаптация механизма межрегиональных миграционных потоков в Калининградской области к концепции «миграции как образа жизни» позволит иначе посмотреть на вклад таких мигрантов в развитие региона, не предъявляя к ним завышенные требования в части реализации их трудового потенциала. В то же время сформулированные практические рекомендации, которые, безусловно, не являются исчерпывающими, могут содействовать повышению качества адаптации мигрантов в регионе и изменению русла стихийно формирующегося миграционного потока, сделать его более управляемым в интересах социально-экономического развития региона.

Заключение

Оценка факторов, ограничений и разочарований мигрантов при переезде в Калининградскую область, а также восприятия ими региона по результатам социологического опроса позволила ответить на ряд поставленных в начале исследования вопросов.

Во-первых, предположение о влиянии экономических, социальных, административных и иных причин, мотивирующих к переезду в Калининградскую область, кроме традиционных и хорошо известных, не подтвердилось по результатам проведенного социологического исследования. Ключевыми причинами, мотивировавшими мигрантов к переезду, по-прежнему остаются благоприятные природно-климатические и комфортные условия проживания, историко-культурная и географическая уникальность региона. Актуальность указанных причин высока не только для категории пенсионеров, но и для мигрантов наиболее активного трудоспособного возраста — 25—44 года, что несколько противоречит результатам ранее проведенных исследований о приверженности данным факторам только мигрантов пенсионного возраста [48]. Таким образом, специфика причин миграции в область из других регионов РФ позволяет рассматривать ее механизм, особенности и последствия с позиций современной концепции «миграции как образа жизни». Сам феномен распространения данной концепции на межрегиональную миграцию заслуживает дальнейшего теоретического осмысления, в том числе на примере других миграционно-привлекательных регионов РФ.

Выбор более благоприятных природно-климатических условий и экологической обстановки в регионе был также продиктован выталкивающими факторами, о чем свидетельствует география миграционных связей Калининградской области с превалярованием регионов-доноров с более холодным климатом и / или экологическими проблемами.

Такое представление о регионе в большинстве случаев формируется на основе широко освещаемой туристической привлекательности области. Для трети респондентов, никогда ранее не посещавших Калининградскую область, источником информации о регионе, как правило, выступали родственники и знакомые, проживающие в регионе, а также Интернет, предлагающий широко распространенные сведения о регионе. При этом освещаются преимущественно положительные стороны пребывания в области или оценки зачастую чрезмерно субъективны. Происходит искажение фактов, наблюдается несистемное представление отдельных вопросов (возможности трудоустройства, жилье, цены, магазины и ассортимент продукции и др.) скорее с позиции не жителя, а туриста. Отсутствие объективного восприятия региона и имеющихся возможностей приводит к перемещению лиц, которые не могут реализовать имеющийся трудовой или предпринимательский потенциал в полной мере, испытывают трудности при смене места жительства. Если в случае переезда вследствие карьерного роста сложностей с трудовой адаптацией, вероятно, не возникает, то в иных случаях, по нашему мнению, это может стать одной из причин обозначенных респондентами разочарований и негативных ассоциаций от проживания в регионе.

Во-вторых, выявленный феномен несоответствия взглядов мигрантов до и после переезда в Калининградскую область, их ожиданий носит массовый характер, он затронул практически всех опрошенных респондентов. При этом сложности в адаптации имеют психолого-социальный и социально-экономический характер. Первый связан с отсутствием родных, друзей и знакомых, привычного образа жизни, что осложняется издержками (транспортными, временными) при посещении родственников за пределами региона вследствие территориальной «оторванности» области. Выражается это, как правило, в неудовлетворенности местными жителями и их образом жизни. Сложности адаптации социально-экономического характера проявляются в проблемах трудоустройства среди респондентов, по всей видимости, недооценивших возможности адаптации на региональном рынке труда, имеющих трудности с поиском жилья, неудовлетворенных ценами и тарифами, качеством социальной инфраструктуры. Отсюда возникают различия в высказанных респондентами ассоциациях, связанных с проживанием в регионе. На фоне позитивных изменений в личной жизни, здоровье и личностном развитии респонденты с той же частотой называли ассоциации, связанные с упущенными возможностями и временем, ухудшением финансового положения, нисходящей трудовой мобильностью.

В-третьих, для наиболее полного использования потенциала рабочей силы мигрантов предлагаются меры селекции миграционного потока. Они должны включать прежде всего информационную поддержку, меры в сфере содействия адаптации мигрантов и росту их предпринимательской активности. Особое значение имеют взаимодействие Калининградской области с регионами-донорами и ее целенаправленное продвижение не только с позиций туристической привлекательности, но и с точки зрения реализации трудового потенциала. Это обеспечит переток рабочей силы для сокращения нехватки кадров с определенными возрастными и профессионально-квалификационными характеристиками.

Список литературы

1. Лялина, А. В. 2019, Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области, *Региональные исследования*, № 4, с. 73—84. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6>.
2. Деминцева, Е. Б., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. 2018, *Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения*, М., Центр стратегических разработок, 55 с.
3. Рыбаковский, Л. Л. 2017, Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи, *Народонаселение*, № 2 (76), с. 51—61.
4. Переведенцев, В. И. 1975, *Методы изучения миграции населения*, М., Наука, 232 с.
5. Топилин, А. В. 1975, *Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР*, М., Экономика, 159 с.
6. Хомра, А. У. 1979, *Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования*, Киев, Наукова думка, 112 с.
7. Petrov, M. V., Kurushina, E. V., Druzhinina, I. V. 2019, Attractiveness of the Russian Regional Space as a Living Environment: Aspect of the Migrants' Behavioural Rationality, *Ekonomika Regiona [Economy of Regions]*, vol. 15, № 2, p. 377—390. doi: <https://doi.org/10.17059/2019-2-6>.
8. Lee, E. 1966, A Theory of Migration, *Demography*, № 3, p. 47—57.
9. Parkins, N. C. 2010, Push and pull factors of migration, *American Review of Political Economy*, vol. 8, № 2, p. 6—23. doi: <https://doi.org/10.38024/arpe.119>.
10. Dorigo, G., Tobler, W. 1983, Push-Pull Migration Laws, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 73, № 1, p. 1—17.
11. Schoorl, J. J. 2000, *Push and Pull Factors of International Migration: A Comparative Report*, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 161 p.
12. Abdou, L. H. 2020, 'Push or pull'? Framing immigration in times of crisis in the European Union and the United States, *Journal of European Integration*, vol. 42, № 5, p. 643—658. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1792468>.
13. Matsui, N., Raymer, J. 2020, The Push and Pull Factors Contributing Towards Asylum Migration from Developing Countries to Developed Countries Since 2000, *International Migration*, vol. 58, № 6, p. 210—231. doi: <https://doi.org/10.1111/imig.12708>.
14. Viñuela, A, Gutiérrez Posada, D, Rubiera Morollón, F. 2019, Determinants of immigrants' concentration at local level in Spain: Why size and position still matter, *Popul Space Place*, vol. 25, № 7, art. e2247. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2247>.
15. Economist Intelligence Unit, 2008, *Global migration barometer: methodology, results & findings*. Sponsored by Western Union, URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/unpd-cm7-2008-11_gmb_execsumeu.pdf (дата обращения: 20.01.22).
16. Tuccio, M. 2019, *Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries*, *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, № 229, Paris, OECD Publishing, 58 p. doi: <https://doi.org/10.1787/b4e677ca-en>.
17. Земцов, С. П., Бабурин, В. Л. 2016, Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России, *Экономика региона*, т. 12, № 1, с. 117—138. doi: <https://doi.org/10.17059/2016-1-9>.
18. Carson, D. B., Wenghofer, E., Timony, P. et al. 2016, Recruitment and retention of professional labour: The health workforce at settlement level. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 320—336.
19. Harwood, S., Wensing, E., Ensign, P. C. 2016, Place-based planning in remote regions: Cape York Peninsula, Australia and Nunavut, Canada. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 124—150.
20. Guimond, L, Desmeules, A. 2019, Choosing the northern periphery: Paradoxes in the ways of dwelling of new residents of Eastern Minganie (North Shore, Québec, Canada), *Popul Space Place*, vol. 25, № 6, art. e2226. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2226>.
21. Carson, D. B., Rasmussen, R., Ensign, P. et al. (eds.) 2011, *Demography at the edge: Remote human populations in developed nations*, Farnham (UK), Ashgate.

22. Simard, M. 2009, Retention and departure factors influencing highly skilled immigrants in rural areas: Medical professionals in Québec, Canada. In: Jentsch, B., Simard, M. (eds.), *International migration and rural areas—Cross national comparative perspectives*, Williston VT, Ashgate, p. 43—73.
23. Taylor, A., Carson, D. B., Ensign, P. C. et al. (eds.) 2016, *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations. Cheltenham (UK) and Northampton (USA)*, Edward Elgar. doi: <https://doi.org/10.4337/9781784711962>.
24. Anastasiou, E., Duquenne, M.-N. 2020, Determinants and Spatial Patterns of Counterurbanization in Times of Crisis: Evidence from Greece, *Population Review*, vol. 59, № 2, p. 88—110. doi: <https://doi.org/10.1353/prv.2020.0004>.
25. Bilan, Yu. 2012, Specificity of border labour migration, *Transformations in Business & Economics*, vol. 11, № 2, p. 82—97.
26. Tsapenko, I. P. 2018, Cross-Border Mobility: Updating the Format, *Her. Russ. Acad. Sci.* № 88, p. 369—378. doi: <https://doi.org/10.1134/S1019331618050088>.
27. Möller, C., Alfredsson-Olsson, E., Ericsson, B., Overvåg, K. 2018, The border as an engine for mobility and spatial integration: A study of commuting in a Swedish—Norwegian context, *Norsk Geografisk Tidsskrift — Norwegian Journal of Geography*, vol. 72, № 4, p. 217—233. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1497698>.
28. Колосов, В. А., Вендина, О. И. 2011, Повседневная жизнь и миграции населения (на примере белгородско-харьковского участка границы). В: Колосов, В. А., Вендина, О. И. (ред.), *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства*, Новый Хронограф, с. 162—180.
29. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals-XXI*, vol. 163, № 1-2 (1), p. 26—30. doi: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-05>.
30. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L. és Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, № 4, p. 151—166. doi: <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>.
31. Соколова, Ф. X., Лялина, А. В. 2021, Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России: локальные градиенты, *Балтийский регион*, т. 13, № 4, с. 54—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-4>.
32. Creel, L. 2003, *Ripple effects: population and coastal regions*, Washington, Population Reference Bureau.
33. Coldbach, C. 2017, Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia—the Role of Environmental Factors, *CESifo Economic Studies*, vol. 63, № 4, p. 529—559. doi: <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
34. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, vol. 61, № 2, p. 219—249.
35. Montanari, A., Staniscia, B. 2011, From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis, *Volltextausgaben*, № 3-4, p. 127—200. doi: <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
36. Iden, G., Richter, C. 1971, Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region, *Land Economics*, vol. 47, № 2, p. 189—193.
37. Fulanda, B., Munga, C., Ohtomi, J. et al. 2009, The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya, *Ocean & Coastal Management*, vol. 52, № 9, p. 459—466. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.
38. Merkens, J.-L., Reimann, L., Hinkel J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, № 145, p. 57—66. doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>.
39. O'Reilly, K. 2000, *The British on the Costa del Sol*, London, Routledge, 198 p.
40. Janoschka, M., Haas, H. (eds.) 2013, *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*, London, Routledge, 193 p.

41. Huber, A., O'Reilly, K. 2004, The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain, *Ageing and Society*, vol. 24, № 3, p. 327—351.
42. Casado-Díaz, M. 2006, Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 32, № 8, p. 1321—1339.
43. Benson, M., O'Reilly, K. 2009, Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration, *The Sociological Review*, vol. 57, № 4, p. 608—625.
44. Membrado, J. K. 2015, Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca, *MÉTODO Science Studies Journal*, № 5, p. 65—73. doi: <https://doi.org/10.7203/metode.81.3111>.
45. Laiz, I., Relvas, P., Plomaritis, T., Garel, E. 2016, Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal). In: *EDULEARN16: proceedings of conference. Barcelona, 2016*, p. 4649—4653. doi: <https://doi.org/10.21125/edulearn.2016.2119>.
46. Ionov, V. V., Kaledin, N. V., Kakhro, N. M. et al. 2016, Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University, *Baltic region*, vol. 8, № 4, p. 114—128. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-8>.
47. Burt, J., Killilea, M., Ciprut, S. 2019, Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university, *Regional Studies in Marine Science*, № 26, art. 100501. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rsma.2019.100501>.
48. Vakulenko, E. S., Mkrtychyan, N. V. 2020, Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age, *Applied Spatial Analysis and Policy*, № 13, p. 609—630.
49. Mkrtychyan, N. V., Vakulenko, E. S. 2019, Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle, *Geo Journal*, vol. 84, № 6, p. 1549—1565.
50. Вакуленко, Е. С. 2019, Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? *Прикладная эконометрика*, № 3 (55), с. 113—138. doi: <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>.
51. Лисицын, П. П., Степанов, А. М. 2019, Переезд из Таджикистана в Россию: мифы и реальность, *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 2, с. 304—317. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14>.
52. Муращенкова, Н. В., Гриценко, В. В., Бражник, Ю. В. 2017, Психологический анализ миграционных ожиданий соотечественников, переселяющихся в Россию из Украины и других стран, *Психолог*, № 5, с. 77—91. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.5.24294>.
53. Лялина, А. В. 2021, Миграционные процессы в приморских муниципалитетах Калининградской области: «агломерационные» эффекты или талассоаттрактивность? *Псковский регионологический журнал*, № 2 (46), с. 58—78.
54. Лялина, А. В. 2020, Миграционные процессы в Юго-Восточной Прибалтике. В: Тарасов, И. Н., Федоров, Г. М. (ред.), *Калининградская область в новых координатах балтийской геополитики*, Калининград, Изд-во БФУ им. И. Канта, с. 189—220.
55. Rogers, A., Castro, L. 1981, *Model migration schedules. Research report RR-81-30*, Laxenburg, IIASA. 153 p.
56. Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. 2016, Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности, *Демографическое обозрение*, т. 3, № 4, с. 47—65.
57. Чудиновских, О. С. 2021, К Вопросу о создании регистра населения и использовании административных данных для нужд государственной статистики, *Вопросы статистики*, т. 28, № 1, с. 5—17.
58. Мкртчян, Н. В. 2020, Проблемы в статистике внутрисоссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г., *Демографическое обозрение*, т. 7, № 1, с. 83—99.
59. Штейнберг, И. Е. 2014, Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель, *Социология: методология, методы, математическое моделирование*, № 38, с. 38—71.
60. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19, *Baltic region*, vol. 12, № 4, p. 61—82. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.

Об авторах

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: mailto:mikhailov.andrey@yahoo.comkvoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

Анна Валентиновна Лялина, кандидат географических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ATTRACTIVENESS OF THE KALININGRAD REGION: PULL FACTORS AND REASONS FOR DISAPPOINTMENT OF MIGRANTS FROM RUSSIAN REGIONS

K. Yu. Voloshenko

A. V. Lialina

Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevskogo ul., Kaliningrad, 236016, Russia

Received 15.04.2022

doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6

© Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V., 2022

The Kaliningrad region's attractiveness to migrants results in increasing external (international) and internal migration. The interregional flow is a major contributor, accounting for approximately 60 per cent of the net migration gain. However, the age composition and professional qualification of migrants from other regions of Russia do not fully agree with the specifics of the region's labour market and its strategic socio-economic development priorities. This lends urgency to a selective regional migration policy aimed at prospective internal migrants. Yet, the picture of pull, push and hindering factors remains incomplete, being limited to generally accepted drivers such as coastal location and proximity to EU countries. This article aims at a detailed analysis of reasons to migrate to the region, an assessment of the restrictions and difficulties faced by relocatees and migrants' satisfaction with the new place of residence. Methodologically, the study uses a mixed strategy: formal data collection methods are combined with respondent selection techniques peculiar to qualitative or expert methods. The authors draw on the results of an exploratory survey conducted in December 2021 with a view to analyse migrants' perception of the Kaliningrad region before and after their arrival and assess how their ideas change. The survey applied mixed research methods: respondents were recruited via social media and relocatee groups. The data analysis reveals a gap between migrant expectations and reality, identifying the causes of inconsistency between the incoming migration flow and the region's development objectives and labour market needs. Based on the findings, the authors provide recommendations for a migration policy based on an accurate picture of the region and aimed at attracting the required workforce, as well as at migrants' adaptation and support at the new place of residence.

To cite this article: Voloshenko, K. Yu., Lialina, A. V. 2022, Attractiveness of the Kaliningrad region: pull factors and reasons for disappointments of migrants from Russian regions, *Balt. Reg.*, Vol. 14, no 3, p. 102–128.
doi: 10.5922/2078-8555-2022-3-6.

Keywords:

attractiveness to migrants, interregional migration, pull factors, migration schedule, restrictions, associations and disappointments, Kaliningrad region

References

1. Lyalina, A. V. 2019, The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad oblast, *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], №4, с. 73–84. doi: <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2019-4-6> (in Russ.).
2. Demintseva, E. B., Mkrtychyan, N. V., Florinskaya, Yu. F. 2018, *Migratsionnaya po-litika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration policy: diagnostics, challenges, suggestions], M., Center for Strategic Development, 55 p. (in Russ.).
3. Rybakovsky, L. L. 2017, Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship, *Narodonaselenie* [Population], №2 (76), p. 51–61 (in Russ.).
4. Perevedentsev, V. I. 1975, *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods for studying population migration], M., Nauka, 232 p. (in Russ.).
5. Topilin, A. V. 1975, Territorial'noe pereraspredelenie trudovykh resur-sov v SSSR [Territorial redistribution of labor resources in the USSR], M., Economics, 159 p. (in Russ.).
6. Khomra, A. U. 1979, *Migratsiya naseleniya: Voprosy teorii, metodiki issle-dovaniya* [Migration of the population: questions of theory, research methods], Kyiv, Naukova Dumka, 112 p. (in Russ.).
7. Petrov, M. B., Kurushina, E. V., Druzhinina, I. V. 2019, Attractiveness of the Russian Regional Space as a Living Environment: Aspect of the Migrants' Behavioural Rationality, *Ekonomika Regiona* [Economy of Regions], vol. 15, №2, p. 377–390. doi: <https://doi.org/10.17059/2019-2-6>.
8. Lee, E. 1966, A Theory of Migration, *Demography*, №3, p. 47–57.
9. Parkins, N. C. 2010, Push and pull factors of migration, *American Review of Political Economy*, vol. 8, №2, p. 6–23. doi: <https://doi.org/10.38024/arpe.119>.
10. Dorigo, G., Tobler, W. 1983, Push-Pull Migration Laws, *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 73, №1, p. 1–17.
11. School, J. J. 2000, *Push and Pull Factors of International Migration: A Comparative Report*, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 161 p.
12. Abdou, L. H. 2020, 'Push or pull'? Framing immigration in times of crisis in the European Union and the United States, *Journal of European Integration*, vol. 42, №5, p. 643–658. doi: <https://doi.org/10.1080/07036337.2020.1792468>.
13. Matsui, N., Raymer, J. 2020, The Push and Pull Factors Contributing Towards Asylum Migration from Developing Countries to Developed Countries Since 2000, *International Migration*, vol. 58, №6, p. 210–231. doi: <https://doi.org/10.1111/imig.12708>.
14. Viñuela, A., Gutiérrez Posada, D., Rubiera Morollón, F. 2019, Determinants of immigrants' concentration at local level in Spain: Why size and position still matter, *Popul Space Place*, vol. 25, №7, art. e2247. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2247>.
15. Economist Intelligence Unit, 2008, *Global migration barometer: methodology, results & findings*. Sponsored by Western Union, URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd-cm7-2008-11_gmb_execsumeu.pdf (accessed 20.01.22).
16. Tuccio, M. 2019, *Measuring and assessing talent attractiveness in OECD countries*, *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, №229, Paris, OECD Publishing, 58 p. doi: <https://doi.org/10.1787/b4e677ca-en>.
17. Zemtsov, S. P. Baburin, V. L. 2016, Assessing the Potential of Economic-Geographical Position for Russian Regions, *Economy of Region*, vol. 12, №1, p. 117–138. doi: <https://doi.org/10.17059/2016-1-9> (in Russ.).
18. Carson, D. B., Wenghofer, E., Timony, P. et al. 2016, Recruitment and retention of professional labour: The health workforce at settlement level. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 320–336.
19. Harwood, S., Wensing, E., Ensign, P. C. 2016, Place-based planning in remote regions: Cape York Peninsula, Australia and Nunavut, Canada. In: Taylor, A. et al. (eds.), *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations*, Cheltenham (UK) and Northampton (USA), Edward Elgar, p. 124–150.

20. Guimond, L., Desmeules, A. 2019, Choosing the northern periphery: Paradoxes in the ways of dwelling of new residents of Eastern Minganie (North Shore, Québec, Canada), *Popul Space Place*, vol. 25, №6, art. e2226. doi: <https://doi.org/10.1002/psp.2226>.
21. Carson, D. B., Rasmussen, R., Ensign, P. et al. (eds.) 2011, *Demography at the edge: Remote human populations in developed nations*, Farnham (UK), Ashgate.
22. Simard, M. 2009, Retention and departure factors influencing highly skilled immigrants in rural areas: Medical professionals in Québec, Canada. In: Jentsch, B., Simard, M. (eds.), *International migration and rural areas—Cross national comparative perspectives*, Williston VT, Ashgate, p. 43—73.
23. Taylor, A., Carson, D. B., Ensign, P. C., et al. (eds.) 2016, *Settlements at the edge: Remote human settlements in developed nations. Cheltenham (UK) and Northampton (USA)*, Edward Elgar. doi: <https://doi.org/10.4337/9781784711962>.
24. Anastasiou, E., Duquenne, M.-N. 2020, Determinants and Spatial Patterns of Counterurbanization in Times of Crisis: Evidence from Greece, *Population Review*, vol. 59, №2, p. 88—110. doi: <https://doi.org/10.1353/prv.2020.0004>.
25. Bilan, Yu. 2012, Specificity of border labour migration, *Transformations in Business & Economics*, vol. 11, №2, p. 82—97.
26. Tsapenko, I. P. 2018, Cross-Border Mobility: Updating the Format, *Her. Russ. Acad. Sci*, №88, p. 369—378. doi: <https://doi.org/10.1134/S1019331618050088>.
27. Möller, C., Alfredsson-Olsson, E., Ericsson, B., Overvåg, K. 2018, The border as an engine for mobility and spatial integration: A study of commuting in a Swedish—Norwegian context, *Norsk Geografisk Tidsskrift — Norwegian Journal of Geography*, vol. 72, №4, p. 217—233. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1497698>.
28. Kolosov, V. A., Vendina, O. I. 2011, Daily life and migration of the population (on the example of the Belgorod-Kharkov section of the border). In: Kolosov, V. A., Vendina, O. I. (eds), *Rossiisko-Ukrainskoe pogranch' e: dva-dsat' let razdelenogo edinstva* [Russian-Ukrainian borderland: twenty years of divided unity], Novyi Khronograf, p. 162—180 (in Russ.).
29. Hrynkevych, O. 2017, Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats, *Economic Annals-XXI*, vol. 163, № 1-2 (1), p. 26—30. doi: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-05>.
30. Kiss, É., Jankó, F., Bertalan, L. és Mikó, E. 2018, Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, *Tér és Társadalom*, vol. 32, №4, p. 151—166. doi: <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>.
31. Sokolova, F. Kh., Lyalina, A. V., 2021, Migration attractiveness of the coastal zone of Russia's North-West: local gradients, *Balt. Reg.*, vol. 13, №4, p. 54—78. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2021-4-4>.
32. Creel, L. 2003, *Ripple effects: population and coastal regions*, Washington, Population Reference Bureau.
33. Coldbach, C. 2017, Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia—the Role of Environmental Factors, *CESifo Economic Studies*, vol. 63, №4, p. 529—559. doi: <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
34. Zelinsky, W. 1971, The Hypothesis of the Mobility Transition, *Geographical Review*, vol. 61, №2, p. 219—249.
35. Montanari, A., Staniscia, B. 2011, From global to local: Human mobility in the Rome coastal area in the context of the global economic crisis, *Volltextausgaben*, №3-4, p. 127—200. doi: <https://doi.org/10.4000/belgeo.6300>.
36. Iden, G., Richter, C. 1971, Factors Associated with Population Mobility in the Atlantic Coastal Plains Region, *Land Economics*, vol. 47, №2, p. 189—193.
37. Fulanda, B., Munga, C., Ohtomi, J. et al. 2009, The structure and evolution of the coastal migrant fishery of Kenya, *Ocean & Coastal Management*, vol. 52, №9, p. 459—466. doi: <https://doi.org/10.1016/j.ocecoaman.2009.07.001>.
38. Merckens, J.-L., Reimann, L., Hinkel J., Vafeidis, A. T. 2016, Gridded population projections for the coastal zone under the Shared Socioeconomic Pathways, *Global and Planetary Change*, №145, p. 57—66. doi: <https://doi.org/10.1016/j.gloplacha.2016.08.009>.
39. O'Reilly, K. 2000, *The British on the Costa del Sol*, London, Routledge, 198 p.

40. Janoschka, M., Haas, H. (eds.) 2013, *Contested Spatialities, Lifestyle Migration and Residential Tourism*, London, Routledge, 193 p.
41. Huber, A., O'Reilly, K. 2004, The construction of Heimat under conditions of individualised modernity: Swiss and British elderly migration in Spain, *Ageing and Society*, vol. 24, № 3, p. 327—351.
42. Casado-Díaz, M. 2006, Retiring to Spain: An Analysis of Difference among North European Nationals, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 32, № 8, p. 1321—1339.
43. Benson, M., O'Reilly, K. 2009, Migration and the search for a better way of life: A critical exploration of lifestyle migration, *The Sociological Review*, vol. 57, № 4, p. 608—625.
44. Membrado, J. K. 2015, Pensioners' coast: migration of elderly north Europeans to the Costa Blanca, *MÉTODOE Science Studies Journal*, № 5, p. 65—73. doi: <https://doi.org/10.7203/metode.81.3111>.
45. Laiz, I., Relvas, P., Plomaritis, T., Garel, E. 2016, Erasmus experience between the University of Cadiz (Spain) and the University of Algarve (Portugal). In: *EDULEARN16: proceedings of conference. Barcelona, 2016*, p. 4649—4653. doi: <https://doi.org/10.21125/edulearn.2016.2119>.
46. Ionov, V. V., Kaledin, N. V., Kakhro, N. M. et al. 2016, Forms of International cooperation in Environmental education: the experience of Saint Petersburg State University, *Baltic region*, vol. 8, № 4, p. 114—128. doi: <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-8>.
47. Burt, J., Killilea, M., Ciprut, S. 2019, Coastal urbanization and environmental change: Opportunities for collaborative education across a global network university, *Regional Studies in Marine Science*, № 26, art. 100501. doi: <https://doi.org/10.1016/j.rsma.2019.100501>.
48. Vakulenko, E. S., Mkrtychyan, N. V. 2020, Factors of Interregional Migration in Russia Disaggregated by Age, *Applied Spatial Analysis and Policy*, № 13, p. 609—630.
49. Mkrtychyan, N. V., Vakulenko, E. S. 2019, Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle, *Geo Journal*, vol. 84, № 6, p. 1549—1565.
50. Vakulenko, E. 2019, Motives for internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Applied Econometrics*, vol. 55, p. 113—138. doi: <https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013>.
51. Lisitsyn, P. P., Stepanov, A. M. 2019, Moving from Tajikistan to Russia: myths and reality, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*, № 2, p. 304—317. doi: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.14> (in Russ.).
52. Murashchenkova, N., Gritsenko, V., Brazhnik, I. 2017, Psychological Analysis of Expectations of Russians to Russia from the Ukraine and Other Countries, *Psychologist*, № 5, p. 77—91. doi: <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2017.5.24294> (in Russ.).
53. Lyalina, A. V. 2021, Migration processes in the coastal municipalities of the Kaliningrad region: “agglomeration” effects or thalasso-attraction? *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov regional journal], № 2 (46), p. 58—78 (in Russ.).
54. Lyalina, A. V. 2020, Migration processes in the South-East Baltic. In: Tarasov, I. N., Fedorov, G. M. (eds), *Kaliningradskaya oblast' v novykh koordinatakh baltiiskoi geopolitiki* [Kaliningrad region in the new coordinates of the Baltic geopolitics], Kaliningrad, Izd. I. Kant, p. 189—220 (in Russ.).
55. Rogers, A., Castro, L. 1981, *Model migration schedules. Research report RR-81-30*, Laxenburg, IIASA. 153 p.
56. Karachurina, L. B., Mkrtychyan, N. V. 2016, Interregional migration in Russia: age characteristics *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 3, № 4, p. 47—65 (in Russ.).
57. Chudinovskikh, O. S. 2021, On the issue of creating a population register and using administrative data for the needs of state statistics, *Voprosy statistiki* [Issues of statistics], vol. 28, № 1, p. 5—17 (in Russ.).
58. Mkrtychyan, N. V. 2020, Problems in the statistics of internal Russian migration, generated by a change in the accounting methodology in 2011, *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic overview], vol. 7, № 1, p. 83—99 (in Russ.).
59. Shteinberg, I. E. 2014, Sampling Logic Diagrams for Qualitative Interviews: “Eight-window” Model, *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], № 38, p. 38—71 (in Russ.).
60. Yemelyanova, L. L., Lyalina, A. V. 2020, The labour market of Russia's Kaliningrad enclave amid COVID-19, *Balt. Reg.*, vol. 12, № 4, p. 61—82. doi: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-4>.

The authors

Dr Ksenia Yu. Voloshenko, Director, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: kvoloshenko@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

Dr Anna V. Lialina, Research Associate, Centre for Regional Socio-Economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))